

УДК 821.161.1-3

**ГОРАЦИАНСКИЕ МОТИВЫ
В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ И.С. ТУРГЕНЕВА**

© 2017 г.

А.А. Скоропадская

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

skorannet@mail.ru

Поступила в редакцию 19.02.2016

Определяются горацианские мотивы в переписке И. С. Тургенева. Творчество древнеримского поэта было хорошо знакомо русскому писателю, который не только прекрасно знал античную литературу, но и выступал в роли редактора переводов Горация, сделанных А. Фетом. Следуя традиции, заложенной в античности, Тургенев прибегал к форме письма не только как к документальному жанру: многие его письма становились небольшими шедеврами, стилистически обработанными и тематически продуманными. Кроме того, важным является внутренний, смысловой потенциал письма: рассуждения о волнующих философских и глубоко личных темах (счастья, смерти, одиночества, творчества). Сравнительно-сопоставительный анализ «Посланий» Горация и писем И. С. Тургенева, сделанный в статье, подтверждает принадлежность авторов к единой философско-эстетической традиции, берущей начало из античности.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Гораций, эпистолярный жанр, послание, горацианский мотив.

Творческое наследие Тургенева достаточно обширно и активно изучается на протяжении многих лет. При этом зачастую вне внимания исследователей остаётся факт не просто знакомства, но прекрасного знания античной традиции, которая, несомненно, является основополагающей для европейской и русской литературы. В настоящей статье мы обозначим темы и мотивы в переписке Тургенева, отсылающие к творчеству Горация, римского автора, оставившего после себя обширное поэтическое наследие, воспринятое последующей литературой. Среди жанров, к которым прибегал Гораций, важное место занимают две книги «Посланий» – поэтических писем, адресованных разным лицам, но объединённых образом автора и кругом тем. Написанные на склоне лет «Послания» стали для Горация своеобразным подведением итогов, позволили окинуть мысленным взором творческий путь и в форме письма поделиться приобретённой мудростью.

Эпистолярный жанр был очень важен для Тургенева. Его эпистолярное наследие насчитывает более двух с половиной тысяч писем. Наибольший интерес для исследования представляют письма Тургенева, адресованные близким людям: именно они в максимальной степени отражают важную для всего творчества Тургенева лиричность. Раскрывая свой внутренний мир, делясь своими мыслями, переживаниями, русский писатель зачастую превращает письмо в лирическую миниатюру, а откровенные философские размышления перемежаются с лирическими описаниями. Сложно гово-

рить о традиции или новаторстве по отношению к содержанию личных писем, но всё-таки обширное культурное поле, достаточно глубоко освоенное Тургеневым, позволяет говорить о питающих его философских источниках и эстетических ориентирах, начало которым положено в античной культуре.

Достаточно часто, особенно в письмах зрелой поры, когда круг друзей начал редеть, а жизнь вдали от родины растягивалась на всё более продолжительные периоды, в письмах Тургенева проскальзывают горацианские мотивы идиллической жизни в деревне и философского отношения к жизни, выраженного девизом «Carpe diem!». Так, в письме к Я.П. Полонскому от 24 февраля 1862 г. находим следующее: «Постарайся перебиться как-нибудь до весны – а потом поедem со мной в деревню, как я уже предлагал тебе в прошлом году – а там мы втроём (ты, Фет и я) предадимся образцовому эпикурейству, отрастим себе животы и ни о чём помышлять не станем. Воздух в наших местах считается отличным, сад у меня большой и лес под боком, можно пять раз на день купаться – чего ещё?». И далее: «Живу я здесь довольно тихо и глухо, почти ничего не делаю, – но не скучаю. «День пережит – и слава богу!» – говорю я с Тютчевым» [1, т. 5, с. 13]. Не случайным оказываются в этом письме упоминание об эпикурействе и саде. Философия Эпикура, получившего в своё время прозвище «философ из сада», была искренне принята Горацием. В своём творчестве, особенно в зрелые периоды, римский поэт не раз обращался к эпи-

курейским жизненным установкам. Горацианский призыв «лови день!» отражает один из основных принципов эпикуреизма – наслаждаться жизнью, не задумываясь о завтрашнем дне, так как жизнь быстротечна и изменчива. Со временем философию Эпикура стали понимать превратно, обращая внимание, прежде всего, на то, что философ видел главной целью жизни наслаждение. Поэтому термин «эпикурейство» стал применяться к образу жизни, во главу угла ставящему телесные, земные наслаждения. Именно в этом значении Тургенев употребляет слово «эпикурейство» в приводимом нами письме (случай в его переписке, кстати, не единственный). Но это поверхностное понимание эпикурейства носит у Тургенева ироничный характер – Тургенев, прекрасно знавший античную философию, имел развёрнутое представление о течении эпикуреизма, философская установка которого была несколько иной: исповедуемые им удовольствия относились к благородным, спокойным, уравновешенным и чисто созерцательным занятиям. Удовольствие, по Эпикуру, должно быть не сиюминутным и интенсивным, а равномерным и длительным и при этом связанным, прежде всего, с духовной стороной жизни человека, а не с телесной, как это стали понимать позднее, не совсем точно переводя греческое слово ἡδονή и латинское – voluptas. У Горация упоминание философии Эпикура встречается практически в начале первой книги «Посланий». Иронично называя себя *поросёнком Эпикурова стада*, Гораций ёмко формулирует тот жизненный принцип, который был им прочно усвоен:

*Меж упований, забот, между страхов
кругом и волнений
Думай про каждый ты день, что сияет
тебе он последним;
Радостью снидет тот час, которого чаять
не будешь* (Посл. I,4 12–14) [2, с. 330].

Характеризуя эпикурейскую составляющую философии Горация, И. М. Тронский отмечает следующее: «Истинно свободен и счастлив лишь тот, кто может сказать по истечении дня: «я прожил», – и завтрашний день, каков бы он ни был, не может сделать бывшее не бывшим. Пирь, вино, любовь – этими утехами отнюдь не следует пренебрегать, но основа блаженной жизни – в безмятежности духа, умеющего сохранить меру в благополучии и твёрдость в трудном положении» [3, с. 395]. Однако помимо эпикуреизма Горация привлекало к себе учение стоиков, которые находили смысл жизни в бесстрастии, душевном покое, независимости от внешних неблагоприятных обстоятельств. Стихотворение Ф. Тютчева, цитируемое Тургене-

вым в приведённом выше письме, обыгрывает эти философские воззрения:

*Не рассуждай, не хлопочи!
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.
Живя, умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чём тужить?
День пережит – и слава Богу!* [4, с.126]

Оставляя за рамками статьи давно обсуждаемый вопрос о национальном характере творчества Тютчева, отметим, что его философское стихотворение написано всё же с учётом античной традиции. Так, например, по замечанию Г. В. Косякова, «поэтические представления Тютчева о времени и человеческой жизни как растянутой смерти близки античному стоицизму, этической концепции Сенеки. Для Тютчева и миг, и день, и век в равной степени прозрачны» [5, с. 5]. Тютчев, как и Тургенев, очень много времени провёл за границей, и европейская культура была ему очень хорошо знакома и близка. Возможно, этим объясняется то притяжение, которое возникло между либералом Тургеневым и славянофилом Тютчевым: они на собственном опыте знали, что такое жить вдали от родины, и со стороны могли оценить значимость и самобытность русской словесности. При этом европейская, базирующаяся на античности традиция становилась для них той эстетической и философской основой, на которой можно выстраивать собственную концепцию жизни и творчества.

С осознанием кратковременности жизни рождается концепция довольства малым: счастье заключается в мелочах, в повседневности жизни. Ты счастлив уже потому, что живёшь. Так, используя идеи эпикурейцев и стоиков, Гораций создаёт собственную философию:

*Счастье, в час бы какой ни послал тебе бог
благосклонный,
Ты благодарно прим, не откладывай
радости на год,
Чтобы повсюду ты мог сознаться: «Я жил,
наслаждаясь»* (Посл. I,11) [2, с. 343].

Философски оправданным становится частое использование темы жизни в деревне. Сельские будни, проводимые в постоянном труде, сопряжены с удовольствием близости к красоте природы и удалённости от городской суеты: *Знаешь ли место ещё ты, пригодней деревни блаженной?* (Посл. I,10) [2, с. 341].

Как сабинское имение для Горация, так родовое поместье Спасское-Лутовиново было для Тургенева местом уединения, сосредоточия и творческого вдохновения. Долгая жизнь за гра-

ницей, невозможность выехать в Россию из-за тяжелой болезни еще более увеличивали духовную значимость поместья, которое стало в глазах Тургенева не только символическим воплощением родины, но и жизни вообще. Не случайно его признание: «Продать Спасское – значит для меня лечь в гроб» [1, т. 13 (1), с. 332].

В письмах Тургенева мотив счастливого пребывания в деревне подчёркивается упоминанием о неприятной, «гнусной» жизни в городе. Например, письмо А. Фету от 23 января 1862 г.: «Прежде всего приветствую Вас с возвращением в Ваше мирное сельское убежище – единственное приличное убежище для человека средних лет в нашем роде! Если б я не был так искренно к Вам привязан – я бы до остервенения позавидовал Вам, я, который принужден жить в гнусном Париже – и каждый день просыпаться с отчаянной тоской на душе.... Но что об этом говорить – а лучше перенестись мыслю в наши «палестины» – и вообразить себя сидящим с Вами...» [1, т. 5, с. 12]. В «Посланиях» Горация не раз находим подобный приём. Наиболее ярко противопоставление жизни в городе и деревне дано римским поэтом в послании к старосте сабинского имения (Посл. I,14) [2, с. 348–349]. Некогда староста был рабом Горация в Риме, но в качестве помощника хозяина был отправлен в сабинское имение. Видимо, прожив в деревне некоторое время, староста начал всячески жаловаться на «отсталость» и скуку деревенской жизни, вспоминая о тех развлечениях и возможностях, которые даёт большой город. Гораций наставляет своего раба, описывая суетность, фальшивость городской жизни, контрастирующую со спокойствием и целостностью жизни на природе:

Я говорю: «Блажен селянин», ты: «Блажен горожанин».

*Жребий чуждой кому мил, тому свой
ненавистен, конечно.*

....

*Я же, верный себе, отъезжаю отсюда
с печалью*

*В Рим всякий раз, как дела, ненавистные
мне, меня тащат.*

*Разное радует нас, и вот в чем с тобой мы
не сходны:*

*То, что безлюдною ты, неприветной
пустыней считаешь,*

*Я и подобные мне отрадой зовут, ненавида
Всё, что прекрасным ты мнишь...*

(Посл. I,14) [2, с. 348–349].

Гораций выступает как тонкий психолог, замечая вечное недовольство человека тем положением, которое он занимает, и тем образом жизни, что он ведёт. Непосредственно с этими

рассуждениями рождаются и мысли о том, что такое счастье и возможно ли его достигнуть. В этих философских рассуждениях Гораций следует в том числе и за стоиками, провозгласившими истинное счастье в отречении. Отречении от страстей, желаний и страхов – тех чувств, которые смущают человеческую душу, лишают её покоя и ввергают в омут несчастий. Отсюда следующий горацианский рецепт счастья:

*Сделать, Нумиций, счастливым тебя и
таким оставаться*

Средство, пожалуй, одно только есть:

«Ничему не дивиться» (Посл. I,6) [2, с. 333].

Философские переключки на эту тему находим в письме Тургенева графине Е. Е. Ламберт от 9 мая 1856 г.: «Ах, графиня, какая глупая вещь – потребность счастья – когда уже веры в счастье нет! Однако я надеюсь, всё это уgomонится – и я снова, хотя не вполне, приобрету то особенного рода спокойствие, исполненное внутреннего внимания и тихого движения, которое необходимо писателю – вообще художнику» [6, т. 3, с. 92]. Подобного рода размышления продолжают в следующем письме, от 10 июня того же года: «Я не рассчитываю более на счастье для себя, т.е. на счастье в том опять-таки тревожном смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай бог, чтобы плод по крайней мере был какой-нибудь – а эти напрасные порывания назад могут только помешать его созреванию. Должно учиться у природы её правильному и спокойному ходу, её смирению... Впрочем, на словах-то мы все мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробежи мимо – так и бросишься за нею в погоню» [1, т. 3, с. 106]. Если Гораций в послании к Нумицию объясняет принцип «Ничему не дивиться» на примерах из социальной жизни человека, тех призрачных ценностей, достижение которых большинство людей принимает за счастье (слава, богатство, телесные удовольствия), то Тургенев объясняет необходимость душевного спокойствия, ориентируясь на природу, по примеру стоиков, в ней видя образец и идеал. Это жизненное наблюдение становится главным ориентиром в творчестве: «...споконствие особого рода, сдержанность в выражении чувств, о которых пишет Тургенев, нужны художнику не сами по себе, не как самоцель. Они помогают писателю сосредоточиться в наблюдении над природой, над человеческой личностью, увидеть прекрасное» [6, с. 9].

В силу того что «Послания» стали итоговым произведением Горация, написанным на склоне жизненных лет, одной из волнующих тем цикла становится тема смерти, которая, согласно Го-

рацию, *есть предел всех страданий* (Посл. I,16) [2, с. 354]. Не раз в своих письмах обращается к этой теме и Тургенев. В письме от 14 мая 1864 г. Валентине Делессер находим: «...смерть всегда неожиданна. Зачем мы живём? Для чего жизнь? Это непонятно – но уж коль скоро жизнь существует, то зачем смерть? Это столь же загадочно» [1, т. 6, с. 22]. Чуть ранее, 19 января 1864 г., в письме Полине Виардо Тургенев эмоционально реагирует на смерть своего друга: «Один литератор из числа моих друзей, по фамилии Дружинин, умер сегодня утром; он давно уже был болен (чахоткой), и когда я увидел его (через несколько дней после моего приезда) – это был призрак. Он уснул спокойно, без страданий. Смерть – великая и ужасная вещь, и если бы она могла слышать то, что ей говорят, я умолил бы её оставить меня ещё на земле: я хочу видеть вас ещё, и ещё долго, если это возможно. О мой дорогой друг, живите долго и позвольте мне жить подле вас» [1, т. 5, с. 254]. Обращение к любимой, глубоко уважаемой женщине, близкому другу обостряет чувство страха перед смертью, но именно это обращение скрывает в себе возможность преодоления смерти. И Тургенев, и Гораций находят эту возможность в творчестве. Анализируя эту тему в поэзии Горация, М. Гаспаров приходит к следующему выводу: «чтобы преодолеть смерть, победить её, человеку дано одно-единственное средство: поэзия. Человек умирает, а вдохновенные песни, созданные им, остаются. В них – бессмертие и того, кто их сложил, и тех, о ком он их слагал» [7, с. 29]. Спустя тысячелетия, Тургенев утверждает: «Прекрасное – единственная бессмертная вещь» (28 августа 1850 г. П. Виардо) [1, т. 2, с. 32]. Влияние античной традиции в этом утверждении несомненно. Творчество вслед за природой вмещает в себя прекрасные стороны жизни и тем самым даёт своему творцу шанс на бессмертие. Хотелось бы привести рассуждения С.Е. Шаталова: «когда мечты о вечном бессмертии, порожденные стихийным протестом против бессмысленности уничтожения человека – венца творения, сменяются представлениями о том, что в вечном бытии природы он вовсе не венец и что бессмертие временное ему все же доступно – в памяти людей, в делах своих... Подобно Пушкину, Тургенев... осознаёт и принимает вывод: *Нет, весь я не умру...*» [8, с. 219–220]. Дополняя наблюдения исследователя, отметим, что пушкинская цитата, приведённая в качестве подтверждения философской позиции Тургенева, на самом деле является переводом стихотворной

строки Горация *Non omnis moriar...* из его знаменитой оды III,3, более известной под названием «Памятник». Это в своём роде программное произведение послужило не только поводом к многочисленным переводам и подражаниям, но и на более тонком, идейном, уровне заложило основы философского осознания роли и назначения поэта и поэзии. Именно горацианское начало позволило Тургеневу, прикоснувшись к вечной теме поэта и поэзии, увидеть в ней возможность бессмертия. Поэтически образно русский писатель выразил эту мысль в стихотворении в прозе «Стой!», где он постарался передать впечатление от пения П. Виардо: *Вот она – открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вот оно, вот оно, бессмертие! Другого бессмертия нет – и не надо* [1, т. 10, с. 170].

В заключение отметим, что отсылки к Горацию у Тургенева не являются нарочитыми и искусственными. Общность тем и воззрений двух авторов, разделённых тысячелетиями истории, объясняется общностью того культурного контекста, к которому они относятся. Образованность, эрудированность и эстетическая чуткость Тургенева позволяли ему вступать во внутренний диалог со всей предшествующей ему традицией, делая своими собеседниками практически все значимые фигуры европейской и русской литературы. Гораций, признанный классик эллинистической эстетики, не мог оказаться вне этого диалога.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Античные жанры в развитии русской литературы XIII – XIX вв.» (проект № 13-04-00250а).

Список литературы

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 13 т. М.: Наука, 1978–2003.
2. Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. 480 с.
3. Тронский И.М. История античной литературы. Л.: Учпедгизд, 1946. 496 с.
4. Тютчев Ф.И. Лирика: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1966. 348 с.
5. Косяков Г.В. Художественная рецепция античной культуры в лирике Ф.И. Тютчева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 3 (13). С. 137–142.
6. Пустовойт П. Г. И.С. Тургенев – художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 304 с.
7. Гаспаров М. Поэзия Горация // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 5–38.
8. Шаталов С.Е. Художественный мир Тургенева. М.: Наука, 1979. 312 с.

HORATIAN MOTIVES IN TURGENEV'S CORRESPONDENCE

A.A. Skoropadskaya

The purpose of this article is to determine the Horatian motives in Turgenev's correspondence. The Russian writer was quite familiar with the works of the Roman poet. Turgenev not only had an excellent knowledge of ancient literature, but also acted as an editor of Horace's translations made by A. Fet. By following the tradition established in antiquity, Turgenev used the form of letter not only as an element of the documentary genre: many of his letters were small masterpieces of style and thematic sophistication. Also important is the inner, substantive potential of the letter: the writer's reflections on philosophical and deeply personal topics (happiness, death, loneliness, creative work). Comparative and contrastive analysis of Horace's Epistles and Turgenev's letters made in the article confirms that the authors belong to a common philosophical and aesthetic tradition originating from antiquity.

Keywords: Ivan Turgenev, Horace, epistolary genre, message, Horatian motives.

References

1. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 t. Pis'ma v 13 t. M.: Nauka, 1978–2003.
2. Goracij. Ody. Ehpody. Satiry. Poslaniya. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1970. 480 s.
3. Tronskij I.M. Istoriya antichnoj literatury. L.: Uchpedgizd, 1946. 496 s.
4. Tyutchev F.I. Lirika: V 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1966. 348 s.
5. Kosyakov G.V. Hudozhestvennaya recepciya antichnoj kul'tury v lirike F.I. Tyutcheva // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2013. № 3 (13). S. 137–142.
6. Pustovojt P. G. I.S. Turgenev – hudozhnik slova. M: Izd-vo MGU, 1987. 304 s.
7. Gasparov M. Poehziya Goraciya // Goracij. Ody. Ehpody. Satiry. Poslaniya. M., 1970. S. 5–38.
8. Shatalov S.E. Hudozhestvennyj mir Turgeneva. M.: Nauka, 1979. 312 s.